

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОДСТРЕКАТЕЛЬСТВА

Институт соучастия длительное время остается объектом пристального внимания криминалистов. Множество научных трудов посвящено как его комплексному изучению, так и исследованию отдельных вопросов. Учитывая рост групповой и организованной преступности, вполне понятно стремление ученых усовершенствовать нормы, регламентирующие ответственность за совершение групповых преступлений. В то же время, анализ последних публикаций свидетельствует о том, что единства взглядов во многом не достигнуто. Не является исключением и проблема видов соучастия, в частности подстрекательство.

Несмотря на то, что подстрекатель абсолютным большинством криминалистов признается одним из наиболее опасных соучастников, при исследовании его роли в преступлении мы столкнулись с неразрешенностью ряда вопросов, среди которых и признаки, характеризующие особенности деяния подстрекателя^[1]. Неправильное их установление порождает ошибки в следственно-судебной практике при квалификации действий последнего, отграничении его от других соучастников и решении иных вопросов. Важность обозначенной проблемы обуславливает необходимость ее самостоятельного исследования.

Юридическая характеристика деятельности подстрекателя вытекает из содержания ч. 4 ст. 27 УК Украины: “Подстрекателем является лицо, которое уговорами, подкупом, угрозой, принуждением либо иным способом склонило другого соучастника к совершению преступления”. Признаки его деяния законодателем выражены в формулировке “лицо, которое склонило другого соучастника к совершению преступления”. Остановимся на них подробнее.

С объективной стороны деяние подстрекателя характеризуется активной формой, т.е. подстрекательство может быть осуществлено лишь посредством действия. Такой точки зрения придерживается большинство криминалистов [См.: 1, с. 5; 7, с. 88; 5, с. 616, 617 и др.]. Вместе с тем в юридической литературе высказываются мнения о возможности подстрекательства путем бездействия. Так, авторы одного из учебников уголовного права утверждают: “Если решимость на совершение преступления была вызвана именно молчанием авторитета, которое,

согласно теории знаковых систем, несло в себе конкретную информацию, воспринимаемую как приказ, такое поведение может быть оценено с позиций уголовного права только как подстрекательство. Таким образом, подстрекательство с объективной стороны может быть выражено как действием, так и бездействием” [См.: 10, с. 340].

В приведенной позиции при всей ее внешней логичности имеется определенный недостаток. Это связано с тем, что при разрешении проблемы авторы забывают об общем учении о преступном деянии (действии, бездействии). На наш взгляд, решение указанного вопроса в первую очередь должно основываться на общих положениях о преступном бездействии как форме преступного деяния.

Несмотря на некоторые различия в определении понятия “бездействие” в науке уголовного права, криминалисты едины во мнении, согласно которому бездействие представляет собой сознательное невыполнение обязанности действовать определенным образом при наличии в данных конкретных условиях реальной возможности действовать таким образом [См.: 4, с. 84, 85; 8, с. 62, 63; 3, с. 110]. Специфика преступного бездействия предопределяет и специфику условий ответственности за него, среди которых: а) *объективное* – наличие специальной обязанности выполнить активные действия, которыми было бы предотвращено наступление общественно опасного последствия; б) *субъективное* – реальная возможность в конкретной ситуации осуществить соответствующие активные действия и предотвратить наступление общественно опасных последствий. Наличие указанных условий является обязательным для привлечения лица к ответственности за преступное бездействие.

Изложенные положения о бездействии полностью относятся и к подстрекательству, которое, в свою очередь, не создает особых условий ответственности за преступное бездействие. *Сущность подстрекательства заключается не в невыполнении возложенных на подстрекателя обязанностей совершить активные действия, направленные на предотвращение наступления общественно опасных последствий, а в осуществлении им активных действий, направленных на склонение другого соучастника к участию в преступлении, которое и повлечет наступление этих последствий.*

Необходимо согласиться с авторами критикуемой позиции в том, что “подстрекательство решительно невозможно без передачи информации, которая для подстрекаемого имеет конкретное значение” [10, с. 340]. Однако согласно теории знаковых систем, приводимой учеными в пример, видимо, невозможной является передача информации молчанием без внешнего ее выражения с помощью все той же знаковой системы. Лишь

одобрение поведения лица, согласие с чем-либо могут быть осуществлены путем молчания. Но в такой ситуации умысел соучастника на участие в осуществлении преступного деяния, его решимость должны были возникнуть еще до последующего молчаливого согласия “подстрекателя”. Даже незначительный кивок, наклон головы, движение глаз или рук могут быть расценены как приказ совершить преступление, но в этом случае мы вряд ли можем говорить о наличии бездействия лица.

Анализируя объективные признаки деяния подстрекателя, следует отметить и тот факт, что *подстрекательство всегда должно предшествовать преступному поведению подстреканного лица*. Невозможно склонить лицо к осуществлению деяния, которое оно готовится совершить, совершает или уже совершило. Если у лица возник умысел относительно конкретного преступления независимо от действий подстрекателя, то говорить о наличии такового не представляется возможным. В этом случае может иметь место лишь укрепление решимости на совершение деяния или одобрение его, что выходит за рамки подстрекательских действий. А, если уж быть до конца последовательным, то надо сказать, что подстрекательство должно предшествовать не только совершению преступного посягательства, но и возникновению у него умысла, решимости, стремления, желания или убеждения его завершить. К такому выводу приводит буквальное толкование ч. 4 ст. 27 УК, поскольку склонить к чему-либо (в частности к осуществлению преступления) возможно лишь того, кто еще не решился на это.

Изложенное позволяет сделать вывод, согласно которому *подстрекатель – соучастник, у которого умысел на совершение преступления обязательно должен возникнуть раньше, чем у склоненного им соучастника*.

Немаловажное значение имеет и решение вопроса о том, *к совершению какого именно деяния (действия или бездействия) подстрекатель склоняет лицо*. Обратившись к определению подстрекателя, содержащемуся в ч. 4 ст. 27 УК, видим, что законодатель не раскрывает каких-либо признаков предмета склонения, указывая лишь, что при подстрекательстве имеет место склонение к совершению *преступления*. Возникает закономерный вопрос о том, насколько конкретизированными для склоненного должны быть признаки преступного деяния, чтобы можно было однозначно утверждать, что именно к его осуществлению и склонял соучастника подстрекатель.

Некоторые криминалисты утверждают, что невозможно склонять к преступлению, не указав реального объекта посягательства [См.: 9, с. 102; 2, с. 158]; другие высказывают мнение о возможности склонения к совершению лишь определенного преступления, например, убийства, кражи и пр. [См.: 10, с. 344; 6, с. 410].

Безусловно, подстрекательство должно быть обязательно конкретным, т.е. подстрекатель должен склонять к совершению определенного общественно опасного виновного деяния (действия или бездействия), которое предусмотрено в Особенной части УК. Но для этого вида соучастия вовсе не требуется, чтобы виновный предельно точно в соответствии с уголовным законом определил характер преступления, к которому он склоняет другое лицо, точно указал на его объект, на потерпевшего, указал время, место, способ и другие обстоятельства осуществления преступного деяния. Иногда для склонения достаточно в лаконичной, но понятной для подстрекаемого форме выразить мысль о желательности или целесообразности выполнения того или иного противоправного деяния (действия или бездействия) [11, с. 190].

Анализ деятельности подстрекателя и различных форм ее проявления позволяет выделить разновидности подстрекательства в зависимости от конкретизации признаков преступления, к которому склоняется соучастник:

1) *подстрекатель склоняет к совершению конкретного преступления;*

2) *подстрекатель склоняет к совершению преступления определенного родовыми (видовыми) признаками* (при этом указанные две разновидности подстрекательства могут содержать соответствующие подвиды, когда подстрекатель склоняет к осуществлению преступления: а) без указания потерпевшего и предмета преступления (например, кражи); б) с указанием предмета преступления (кражи конкретного предмета); в) с указанием потерпевшего, но без указания предмета преступления (кражи у конкретного лица) или к совершению беспредметного преступления; г) с указанием потерпевшего и предмета преступления (кражи у конкретного лица конкретной вещи);

3) *подстрекатель склоняет к совершению какого бы то ни было преступления, т.е. к осуществлению общественно опасного, виновного деяния (действия или бездействия), предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК:* а) в отношении конкретного лица; б) без указания потерпевшего.

Как видим, амплитуда конкретности преступления, к которому склоняет подстрекатель, достаточно широка – от склонения к осуществлению конкретного преступления с указанием потерпевшего и предмета преступления до склонения к выполнению какого бы то ни было деяния (действия, бездействия), подпадающего под признаки преступления. Поэтому можно утверждать, что попытка криминалистов очертить признаки предмета склонения указанием, против какого конкретного объекта это преступление должно быть направлено, необоснованно сужает возможность признания действий, совершенных соучастником, подстрекательством.

Таким образом, конкретность подстрекательства заключается в том, что лицо склоняет соучастника (-ков) к совершению преступного деяния, т.е. такого, которое является общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым.

Подстрекатель склоняет к совершению преступления конкретное лицо или группу лиц. Исходя из законодательного определения понятия “соучастие” (ст. 26 УК), соучастником может быть признано только лицо, обладающее признаками субъекта преступления (ст. 18 УК). Следовательно, подстрекательство возможно только по отношению к физическому вменяемому лицу, достигшему возраста, с которого может наступить уголовная ответственность за преступление. Вот почему в качестве склоненного может выступать только лицо, способное сознательно решать вопрос о своем участии в преступлении.

Поскольку деятельность подстрекателя всегда обращена к конкретному лицу, общие призывы, не имеющие в виду склонить определенное лицо к совершению преступления, не могут признаваться подстрекательством, даже если они объективно и сыграли такую роль. Полагаем, что подстрекательство может быть не только осуществлено в отношении одного лица, но и обращено к группе лиц, представляющих одну из форм соучастия. Направить группу лиц на выполнение преступного деяния подстрекатель может и через одного из ее членов. В этом случае виновный отвечает за подстрекательство к совершению определенного преступления, выполненного конкретной группой, при условии, что его сознанием охватывался факт склонения именно группы, наличие и признаки которой он сознавал и участия которой в реализации преступного плана желал. Здесь имеет место так называемое *посредственное подстрекательство*, когда подстрекатель склоняет к осуществлению преступления группу лиц путем воздействия на одного из ее участников при условии осознания склонения именно группы.

Значительный интерес для характеристики деятельности подстрекателя представляют его *объективные пределы*, поскольку четкое установление начального и конечного моментов его деяния позволяет более глубоко проанализировать сущность подстрекательства и решить многие вопросы, связанные с ответственностью указанного соучастника.

Следует отметить, что вопрос о моменте начала действий подстрекателя особых сложностей в теории и на практике не вызывает. Его деятельности присущи признаки, характерные для любого преступного деяния в его уголовно-правовом значении. С учетом этого можно констатировать, что *начальным моментом подстрекательства является действие, направленное на склонение соучастника к совершению преступления.*

Вопрос же о моменте окончания подстрекательских действий не нашел однозначного решения в науке уголовного права. Законодатель применительно к термину “подстрекатель” использует прошедшее время – “лицо, которое склонило”, что свидетельствует о завершенности подстрекательства, о создании им лица, готового реализовать его преступный замысел. Именно ключевое слово “склонило” должно положить предел спорам по поводу момента окончания деяния этого соучастника. Законодательное определение дает основание утверждать, что о подстрекательстве как оконченной деятельности конкретного соучастника возможно вести речь только в случае, если факт склонения состоялся, т.е. если у лица возникло желание, решимость принять участие в преступлении. Следовательно, для подстрекательства недостаточно самого выполнения действий, направленных на склонение другого лица к выполнению преступления, а необходимо, чтобы это лицо согласилось исполнить предложенное подстрекателем. Иное толкование момента окончания подстрекательства искажает смысл его законодательной интерпретации.

Поскольку действия подстрекателя составляют необходимое условие действий других соучастников и находятся в причинной связи с преступным результатом, который причиняется исполнителем, но вызван совместной деятельностью всех соучастников, *вопрос о моменте окончания подстрекательства напрямую связан и с моментом окончания преступления, совершенного в соучастии.*

Изложенное дает основание для следующих выводов:

1. С объективной стороны деяние подстрекателя характеризуется активной формой поведения (только действие).

2. Подстрекатель – соучастник, у которого умысел на совершение преступления обязательно должен возникнуть раньше, чем у склоненного им соучастника.

3. Подстрекательство всегда конкретно. Конкретность его заключается в том, что подстрекатель склоняет к совершению деяния, которое является общественно опасным, противоправным, виновным и наказуемым.

4. Подстрекатель склоняет к осуществлению преступного посягательства конкретное лицо или группу лиц. *Посредственное подстрекательство* представляет собой склонение к совершению преступления группы лиц путем воздействия на одного из ее участников при условии осознания склонения именно группы.

5. *Начальным моментом* подстрекательства является действие, направленное на склонение соучастника к совершению преступления. *Конечный момент* определяется: а) *окончанием подстрекательских действий* – возникновением у соучастника желания,

решимости участвовать в преступлении; б) *окончанием преступления, совершенного в соучастии*, – осуществлением исполнителем деяния, которое содержит все признаки состава преступления, описанного в диспозиции статьи уголовного закона.

Список литературы: 1. Арутюнов А.А. Объективная сторона преступления, совершенного в соучастии // Уголовн. право – 2002. – № 2. – С. 4, 5. 2. Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. – К.: Наук. думка, 1969. – 216 с. 3. Кримінальне право України: Заг. ч.: Підручник для студ. юрид. спец. вищ. закл. освіти / За ред. М.І. Бажанова, В.В. Сташиса, В.Я. Тація. – К. – Х.: Юрінком Інтер – Право, 2001. – 416 с. 4. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М.: Госюриздат, 1960. – 255 с. 5. Курс советского уголовного права: Ч. Общ. В 5-ти т. – Т. 1. / М.Д. Шаргородский, И.И. Солодкин, С.А. Домахин и др. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. – 646 с. 6. Курс уголовного права: Общ. ч. – Т. 1: Учение о преступлении: Учебник для вузов / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: ИКД “Зерцало-М”, 2002. – 612 с. 7. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. – М.: Юрид. лит., 1974. – 208 с. 8. Тимейко Г.В. Общее учение об объективной стороне преступления. – Ростов-н-Д., 1977. – 215 с. 9. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. – М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 160 с. 10. Уголовное право: Учебник: Общ. ч. / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. – 592 с. 11. Учебник уголовного права: Общ. ч. / Под ред. В.Н.Кудрявцева, А.Н.Наумова. – М.: Спарк, 1996. – 412 с.

Надійшла до редакції 10.10.2003 р.